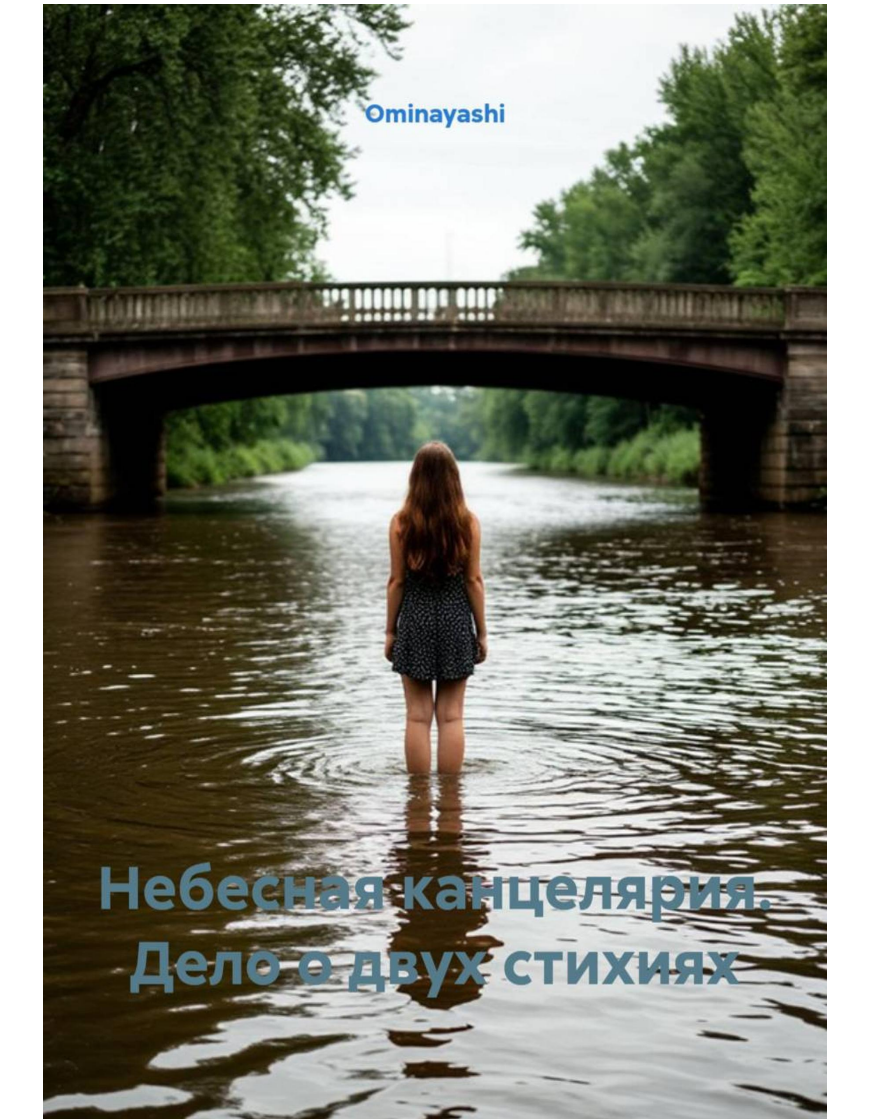

A woman with long brown hair, seen from behind, stands waist-deep in a river. She is wearing a dark, patterned, sleeveless dress. In front of her is a large, arched stone bridge with a decorative railing. The river is surrounded by lush green trees and foliage. The sky is overcast.

Ominayashi

Небесная канцелярия.
Дело о двух стихиях

Ominayashi Ominayashi

Небесная канцелярия.

Дело о двух стихиях

<https://litres.ru/74517749>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Небесная канцелярия: Дело о двух стихиях» — городское фэнтези, разворачивающееся в дождливом Петербурге, где погода оказывается не хаосом, а системой с живыми операторами.

Милана слышит дождь с детства. Артур греет — не зажигает, а именно греет: батареи, кружки, ладони. Они встречаются в маленьком кафе на Васильевском и обнаруживают, что вместе могут то, чего не умеют порознь: управлять водой и теплом как единым целым. Сразу после этого на них выходит серый человек Берен — агент Гильдии, которая отбирает стихии у людей и копит чужую силу. Старый хранитель Корней раскрывает им правду: они — не просто одарённые одиночки, а парные стихийники, операторы Небесной канцелярии, механизма, через который мир дышит, мёрзнет и греется. Без них погода идёт кое-как; с ними — как часы. Победив Берена не оружием, а тем, что встали на своё место, Милана и Артур начинают работать: незаметно, из кафе, держась за руки, направляя дождь туда, где сохнут клумбы, и тепло — туда, где забнут туристы.

Ominayashi

Небесная канцелярия.

Дело о двух стихиях

Небесная канцелярия: Дело о двух стихиях

Глава 1. Дождь, который не просили

В тот день над городом висели облака — не просто серые, какими они бывают обычно, а какие-то обиженные, будто им тоже не заплатили. Они низко оседали на крыши, ложились на антенны, как уставшие коты, и не хотели никуда уходить. Милана стояла у окна своей квартиры на четвёртом этаже и слушала, как дождь разговаривает с водосточной трубой. Он говорил что-то монотонное, назидательное, как старый бухгалтер, объясняющий, почему в отчёте не сходятся копейки.

Она не сама научилась слушать дождь. Вернее, она не училась этому вовсе. Это пришло однажды — утром, когда ей было тринадцать, и она стояла на школьном дворе, и ливень хлынул внезапно, и все побежали, а она осталась, потому что дождь попросил. Не словами — он не умеет говорить словами — а так, как умеют облака: движением, плотностью, тем, как капли ложатся на кожу. Он сказал ей: «Стой. Я скоро закончусь». И она стояла, и он кончился. И с тех пор она могла его останавливать.

Ей было двадцать семь. Она работала в маленьком кафе на Васильевском — том самом, где окна запотевают так, что снаружи видно только цветные пятна прохожих, и где кофе всегда чуть горче, чем нужно, потому что бариста экономит на молоке. Она не была баристой. Она была тем человеком, который почему-то всегда есть в маленьких кафе: сидит за столиком у стены, пьёт один и тот же капучино и читает книгу, которую не дочитывает. Здесь её все знали, но никто не беспокоил. Это её устраивало.

В тот день, когда всё началось, она допивала третий капучино и смотрела, как по стеклу ползут капли. Дождь снаружи был неправилен. Она это чувствовала, как чувствуют, когда кто-то в очереди разговаривает по телефону слишком громко: не раздражает ещё, но уже мешает. Дождь шёл не оттуда. Он не родился в небе. Его кто-то позвал, но позвал неумело, не до конца, как ребёнок, который пробует свистеть и вместо свиста выдаёт мокрый, сдавленный звук.

— Это не ваш дождь, — сказала она окну. Окно запотело сильнее, словно смутилось.

Дверь кафе хлопнула, и вместе с ветром — тем самым мокрым, невским ветром, который всегда пахнет рекой и железом — вошёл человек. Он был мокрый. Не так, как бывают мокрыми люди, попавшие под дождь: локти, плечи, капли на волосах. Он был мокрый весь, до нитки, будто его окунули, будто он стоял под дождём не минуту и не пять, а долго, час или два, и не пытался спрятаться. Мокрая куртка, мок-

рые брюки, мокрые ботинки, и волосы — тёмные, прямые — слиплись на лбу. Но глаза у него были живые, и в них стояло что-то похожее на удивление, и ещё — на веселье, словно он знал что-то смешное, но ещё не решил, рассказывать ли.

Милана посмотрела на него, и дождь за окном дрогнул.

Он сел за столик напротив — не к ней, а рядом, через один стол, — и положил руки на столешницу, ладонями вниз. И Милана увидела, как из-под его пальцев по дереву пошло тонкое, едва заметное тепло, и капли на столе начали подсыхать. Не от температуры — от чего-то другого. От присутствия.

— Вы тоже это чувствуете? — спросил он, не оборачиваясь. — Что дождь чужой?

Милана не ответила. Она смотрела, как его пальцы сушат стол, и думала: «Вот так, значит. Не я одна».

Его звали Артур.

Глава 2. Артур, или человек, который грел

Артур работал в котельной. Нет, не так — он числился в котельной, но по факту он был кем-то вроде человека-термостата. Он приходил утром, трогал трубы — старые, чугунные, покрытые пупырышками краски, — и они начинали греть ровно. Не сильнее, не слабее, а ровно, как грелка, которую положили в нужное место. Соседние дома завидовали: в их квартирах батареи либо палили, как доменные печи, либо остывали до состояния ледяных глыб, а у Артура — всегда

в меру. Жильцы думали, что это котельная хорошая. Артур знал, что это он.

С огнём он подружился раньше, чем Милана — с дождём. Ему было девять, и он сидел у костра в лесу — с отцом, с дядькой, с их компанией, — и костер гас. Дядька дул, отец шевелил угли палкой, кто-то плескал жидкость для розжига, и всё равно — гас. Артур посмотрел на огонь и захотел, чтобы он горел. Не подумал, не попросил — захотел, как хотят, чтобы человеку стало тепло. И огонь вспыхнул, и все сказали, что это ветер улучшился.

С тех пор он мог греть. Не зажигать — именно греть. Он не умел создавать огонь с нуля, не умел поджигать предметы, не умел делать то, что показывают в цирках. Он мог только заставить тепло существовать там, где его не было, или усилить то, что уже было. Батарею, чайник, ладони. Он мог высушить мокрую одежду за минуту. Мог согреть комнату, если в ней было не ниже нуля. Мог — и это он особенно любил — греть кофе, не трогая кружку, просто поднеся руку близко и позволив теплу перетечь.

В кафе он узнал Милану не по лицу и не по имени. Он узнал её по дождю. Дождь над городом был чужой — он это почувствовал за три квартала, как чувствуют запах гари. Кто-то манипулировал водой, и делал это грубо, неаккуратно, и это было так же оскорбительно для Артура, как для музыканта фальшивая нота. Он шёл на этот запах — на ощущение — и пришёл в кафе, и увидел женщину, которая смот-

рела в окно и разговаривала с дождём.

— Вы тоже это чувствуете? — спросил он, и она не ответила, но и не отвернулась, и это было достаточно.

Он заказал чёрный кофе. Бариста налил без вопросов — видно было, что человеку холодно. Артур обхватил кружку ладонями и поделился с ней теплом, и кофе пошёл паром, и бариста сказал: «У нас горячего всегда горячего», и не заметил, что кофеварка не работала уже пять минут.

— Меня зовут Артур, — сказал он, наконец оборачиваясь к Милане.

— Милана, — сказала она.

— Вы давно слышите дождь?

— Всю жизнь. А вы давно греете?

— Всю жизнь.

Они помолчали. За окном чужой дождь усилился, и облака опустились ещё ниже, и город стал похож на аквариум, в котором забыли сменить воду. Потом Милана сказала:

— Кто-то зовёт дождь. Не умея. Как вы думаете, зачем?

Артур отпил кофе. Кофе был горячий — от его рук — и горький, как ему нравилось.

— Не знаю, — сказал он. — Но мне это не нравится.

Глава 3. Кафе, в котором всё решается

Они встречались в кафе каждый день — не договариваясь, просто приходили. Милана — к девяти, с книгой, которую не дочитывала. Артур — к девяти тридцати, с мокрыми

ботинками, потому что, несмотря на способность греть, он принципиально не носил шапку и не раскрывал зонт. Он говорил, что зонт — это измена дождю. Милана считала, что зонт — это договор о невмешательстве, и носила его всегда.

Маленькое кафе на Васильевском было тем местом, где время идёт иначе. Не медленнее и не быстрее — иначе, как будто оно обтекает это место, как вода обтекает камень. Деревянные столы, потемневшие от лет и пролитого кофе, были покрыты кругами — следами кружек, и каждый круг был как год, и в каждом году кто-то сидел и пил, и думал, и не дочитывал книгу. Окна выходили на перекрёсток, где зимой всегда стоит лужа, а летом — пыль, и где голуби устраивают переговоры о территориях с воронами, и переговоры всегда заканчиваются ничем.

Бариста, которого звали Лёша и который носил фартук с пятном от шоколада на левом кармане — одном, единственном, словно остальные пятна были смыты совестью — наблюдал за ними с вежливым любопытством. Он видел, что эти двое садятся рядом и говорят тихо, иногда не говорят вовсе, а просто сидят, и в кафе становится теплее, и за окном светлеет. Лёша не верил в магию, но верил в странные совпадения, и в то, что кофе — это не напиток, а способ разговора, и что человек, который пьёт один и тот же кофе каждый день, не просто привыкает — он договаривается с миром о чём-то.

— Дождь сегодня ваш? — спросил Артур в пятницу, ко-

гда пришёл с мокрыми рукавами и сел, и на столе задымилась два капучино — он подогрел оба, не спрашивая.

— Нет, — сказала Милана. — Я уже неделю не трогаю погоду. Тот, кто звал дождь в понедельник, он перестал. Но теперь кто-то другой.

— Другой?

— Другой и хуже. Первый был неумёха. А этот — умеет. У него получается.

Артур нахмурился. За окном и правда лило, но не так, как в понедельник: тогда дождь был беспорядочным, неряшливым, как непродуманная ложь. Этот дождь был организован — он шёл полосами, ровными, тёмными, и между полосами оставались сухие дорожки, как будто кто-то провёл по небу граблями.

— Это не просто дождь, — сказала Милана. — Это кто-то рисует.

— Рисует чем?

— Водой.

Артур посмотрел в окно и увидел: да, в самом деле, дождевые полосы складывались в рисунок — нечёткий, несовершенный, но рисунок. Линии, дуги, что-то похожее на букву или на знак, и он не мог разобрать, но Милана могла, и она побледнела.

— Что там? — спросил он.

— Письмо, — сказала она тихо. — Мне.

Глава 4. Письмо в воде

Письмо было простым — коротким и наглым, как все письма, которые пишут незнакомцы.

«Ты слышишь дождь. Я знаю. Приходи на мост, послезавтра, в полдень. Приходи одна. Или не приходи — я найду тебя сам».

И подпись, или не подпись — символ: круг с волнистой линией внутри. Знак воды. Знак, который Милана видела только однажды — в книге, которую не дочитывала, в той самой, с которой ходила в кафе. Книга называлась «Элементарная гидрология» и была не учебником, а чем-то средним между учебником и романом, и в ней на сто семьдесят второй странице был этот знак, и под ним — слово, которое она не смогла перевести и не стала искать, потому что не любила словари.

— Не ходи, — сказал Артур.

— Я знаю, — сказала она.

— И всё равно пойдёшь.

— Я знаю, — повторила она, и это было второе «знаю», и оно значило другое.

Они сидели, и дождь за окном смыл своё письмо, и небо стало чистым, и чистым было небо только потому, что его автор закончил и ушёл. А Милана и Артур остались, и между ними — через стол, через два капучино, через расстояние — прошло что-то, что не имело имени, но было тёплым, как кружка из рук Артура, и влажным, как воздух перед дождём,

который приносит Милана.

Она пошла.

Глава 5. Мост

Блачиневский мост был серым, как все мосты в этом городе, и мокрым, как все мосты в этом городе, и если бы мосты могли жаловаться, он бы жаловался первым. По нему шли люди — в шапках, в капюшонах, с зонтами, — и никто не смотрел на воду, и вода не смотрела на них, и это было правильно, потому что вода в Неве в тот день была не в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.